

Gutorova,
Tat'yana Evstropovna

Itelmen songs

Petropavlovsk-Kamchatski 30.08.1999

Гуторова,
Татьяна Евстроповна

«Песня орла»*

Т. Е. Гуторова, г. Петропавловск-Камчатский, 30.08.1999

ILC1_7.1 || 1>0:07 || 5>0:37 || 10>1:15

- 1 Аслах нэйһэнк тсыһузалкичэн.
Иплхчах спэлчах т'оч'алчэн:
Спэлчхэ, спэлчхэ, кэзза ксыһ'ин.
Хаһч'ан атнокэ т'энклахэн.
- 5 Мэвэһ спэлчхэ, нэйн'ин ч'этһузалэн,
Хаһч'ан атнокэ э'вэнһузал,
Итэ'нмэ'нкэ Хаһч'ан Атнок.
Кэмман чаһа'лэс һлаһуухчик,
Тхи'ин атнола'н Плахэн, Каврал.
- 10 Ухтэнк кивчэк'и кт'элһу'ин.
Кэмман иплхчах ч'инэһулах Эльвэль,
Исхэнк нэйһэнк'и кт'элһу'ин.

«Eagle's Song»*

- 1 I will fly over a tall mountain.
I will call friend wind:
Wind, wind you fly.
I send you to the upriver village.
- 5 A strong wind came from the mountains.
You will fly to the upriver settlement,
To the Itelmens in the upriver settlement.
Sing my song,
Of their villagers of Plakhen (and) Kovran.
- 10 *Ukht* turned into a river.
My beautiful darling El'vel',
Father, he turned into a mountain.

* *Written for the legend "El'vel'" in 1970.
Melody by Arina Osipova Slobodchikova's mother.*

- 1 Над высокой горой полечу.
Друга-ветерка позову:
Ветерок, ветерок ты летаешь.
В верхнее селение отправлю тебя.
- 5 Сильно, ветерок, горный, зайдет.
В верхнее селение будешь полетать,
Ительменам в Верхнем селении.
Мою песню пропой, Расскажи,
Их сельчан Плахэна, Каврала.
- 10 «Ухт» в реки превратил.
мою подружку-красавицу Эльвель,
Отец в гору превратил.

* *Написана к легенде "Эльвель" в 1970 г.
Мелодия матери Арины Осиповны Слободчиковой.*

«Песня Умиравшей матери к легенде Эльвель»

Т. Е. Гуторова, г. Петропавловск-Камчатский, 30.08.1999

ИЛС1_7.2 || 1> 1:43 || 5> 2:13 || 10> 2:53 || 15> 3:31

- 1 Ухтэ Лаччах ч'эхч'эл инхтаҕ.
Өнна к'алэк °соллозэн.
Мэзвн'н атнола'н Кананк клэма'н.
Т'изазкичэн кэмма лэм.
- 5 Ты'ну миљачх тэзвин п'эльучх,
Эсчаҕ Кананк кэнтхҕэ'ин.
Җрвэљушки кэмман Эльвэльэчх,
Җрвэљушки кэмлоньчах!
Ухтэ, кэзза Квэзэм җчикхчик.
- 10 Хэҗчамлалнэн Эльвэльэчх.
Заҕ ну ит'э Квэзэм энтхваҕ.
Өнҗа кнанкэ нловахэн.
Кэзза, Ухтэ, ч'инэҗ җсуньлк'ас.
Тҗарвэла Эльвэльэчх җнытэҗ'ас.
- 15 Җа'та °кмэлвэн тумзысхэн.
Т'изазкичэн кэмма җа'т.
Җрвэљушки кэмман кэмлоньчах.
Җрвэљушки Эльвэльэчх.
Җрвэљушки, ... э-ху-хэ!

«Song of the Dying Mother in the legend "El'vel'"»

- 1 *Ukht* don't waste your time looking for *Lachakh*.
She is lying nearby.
Kana killed our villagers.
I am dying as well.
- 5 This girl, your daughter,
Kana cast a serious spell over.
Bye-bye, my little El'vel',
Bye-bye, my little granddaughter!
Ukht, find *Kvezm*.
- 10 Let him remove the spell from little El'vel'.
Never forget *Kvezm*.
What he tells you.
Live well *Ukht*.
Raise El'vel' calmly.
- 15 I am already leaving you.
I am dying already.
Bye-bye my little granddaughter.
Bye-bye El'vel'.
Bye-bye ...!

- 1 Ухт Лаччах зря не ищи.
Она рядом лежит.
Наших сельчан Кана убил.
Умираю я тоже.
- 5 Эта девочка ваша доченька.
Сильно Кана (её) заколдовал.
Баю-баюшки, моя Эльвелюшка,
Баю-баюшки, внученька!
Ухты, ты Квэзыма найди.
- 10 Пусть расколдует Эльвелюшку.
Никогда Квэзыма не забывай.
Что он тебе скажет.
Ты Ухт хорошо живи.
Спокойно Эльвелюшку воспитать.
- 15 Я оставляю вас.
Умираю я уже.
Баю-баюшки моя внученька.
Баю-баюшки Эльвелюшка.
Баю-баюшки, ...!

«Утхолокская мелодия бабушки Слободчиковой (Рухчихи)»

Т. Е. Гуторова, г. Петропавловск-Камчатский, 30.08.1999

ILC1_7.3 || 1>4:27 || 5>4:44 || 10>5:01 || 15>5:21

- 1 Ч'инэңү лаччах эсазэн.
Кэмман ныта чаҕа'сэн.
Кэмман ныта чаҕа'сэн.
Толк'алнокэ хэндалак(ас).
- 5 Толк'алнокэ хэндалак(ас).
Мэвиңу лэжк'э'н квэтаткнэ'н.
Мэвиңу лэжк'э'н квэтаткнэ'н.
Лэпхэ'н эсчаҕ нтхнувалэ'н.
Лэпхэ'н эсчаҕ нтхнувалэ'н.
- 10 Тосханк муза нлавалал.
Тосханк муза нлавалал.
Тэлвэчү ходила'н нчаҕа'лэ'н.
Тэлвэчү ходила'н нчаҕа'лэ'н.
Мэви'н хоља'н к'олажэ'н.
- 15 Мэви'н хоља'н к'олажэ'н.
Ч'эвэсү нова'лүзэлкичэн.
Ч'эвэсү нова'лүзэлкичэн.

«The Utkholok melody of grandmother Slobodchikova (Rukhchikhi)»

- 1 It's a beautiful sunrise.
My soul sings.
My soul sings.
Let's go to get *kimchiga* [springbeauty].
- 5 Let's go to get *kimchiga* [springbeauty].
The mice worked hard.
The mice worked hard.
We'll carry full baskets.
We'll carry full baskets.
- 10 We'll sit down on the bank.
We'll sit down on the bank.
We'll quietly sing chants.
We'll quietly sing chants.
Our young people are coming.
- 15 Our young people are coming.
We will kiss them sweetly.
We will kiss them sweetly.

- 1 Красиво солнышко всходит.
Моя душа поет.
Моя душа поет.
За кимчигую пойдем.
- 5 За кимчигую пойдем.
Здорово мыши поработали.
Здорово мыши поработали.
Корзины полные наберем.
Корзины полные наберем.
- 10 На берегу мы присядем.
На берегу мы присядем.
Тихо ходилы запоем.
Тихо ходилы запоем.
Наши юноши придут.
- 15 Наши юноши придут.
Сладко будем целоваться.
Сладко будем целоваться.

«Песня-ходила на слова Татьяны Евстроповны Гутуровой (Ковран)»

Т. Е. Гутурова, г. Петропавловск-Камчатский, 30.08.1999

ИЛС1_7.4 || 1>5:42 || 5>5:56 || 10>6:11 || 15>6:25

1 Кэзза хамух мэт'ск'(ай)
Стовалах'ал кэскнэн,
Стовалах'ал кэскнэн.
Э-хэ! Э-хэ!

5 Ылимух манкэ кивчэнк
Нэка'лжзална'н эньчэ'н,
Нэка'лжзална'н эньчэ'н.
Э-хэ! Э-хэ!

Кэзза хамух °ж'лайу
10 Ытоктоназхэн эньчэ'н,
Ытоктоназхэн эньчэ'н.
Крр-Крр-Крр!

Манх'ал ксфэзкнэн йаҕйаҕ
Лэм клавиулкнэн к'алэк,
15 Лэм клавиулкнэн к'алэк.
– Ийанк! Ийанк!
°ҕтаҕаҕас! °ҕтаҕаҕас!

«Khodila»

1 You pretend to be a bear.
Emerging from the pine bush,
emerging from the pine bush.

...

5 Imitating as if in the river.
You'll catch fish,
you'll catch fish.

...

You pretend to be a raven.

10 You peck at a fish,
you peck at a fish.

...

A seagull appeared from somewhere.

It landed nearby,

15 it landed nearby.

“To the coast! to the coast!

Pray! Pray!”

1 Ты нарочно медведь.
Из кедрочей вышел,
из кедрочей вышел.

...

5 Передразни, как в речке.
Будешь ловить рыбу,
будешь ловить рыбу.

...

Ты нарочно ворон.

10 Ключёшь рыбу,
ключёшь рыбу.

...

Откуда-то чайка взялась.

Тоже рядом села,

15 тоже рядом села.

– На устье! На устье!

Молись! Молись!

«Песня-ходила на слова Татьяны Евстроповны Гуторовой (Ковран)»
(продолжение)

ИЛС1_7.4 || 20>6:41 || 25>7:05 || 30>7:17

- Чаол кэнтс'ин фитфит
Кэлчкузу'ин ч'ахлном,
20 Кэлчкузу'ин ч'ахлном.
Э-хэ! Э-хэ!
- Бэйэх хтэзэн эскас
Тэ'мзознэн лу'вэл,
Тэ'мзознэн лу'вэл.
25 Э-хэ! Э-хэ!
- Схэллаң тжми'ай кк'олкнэн
Ч'ирибузнэн эньчэ'н,
Ч'ирибузнэн эньчэ'н.
Э-хэ! Э-хэ!
- 30 Бхэжэнэжнэн мэт'ск'(ай)
Ч'ахлалкила'н кпэнскнэн,
Ч'ахлалкила'н кпэнскнэн.
Э-хэ! Э-хэ!

- A seal poked its head out.
It looks at those celebrating,
20 it looks at those celebrating.
...
The coward is afraid to come out.
It licks its whiskers,
it licks its whiskers.
25 ...
A wolverine came running.
He is stealing fish,
he is stealing fish.
...
30 The bear became upset.
He went after those celebrating,
he went after those celebrating.
...

- Голову высунула нерпа.
Смотрит на пирующих (праздник),
20 смотрит на пирующих (праздник).
...
Трус боится выйти.
Облизывает усы,
облизывает усы.
25 ...
Бегом росомаха прибежала.
Ворует рыбы,
ворует рыбы.
...
30 Рассердился медведь.
На пирующих бросился,
на пирующих бросился.
...

О том, как возникла легенда «Эльвель»

T. E. Gutorova, г. Петропавловск-Камчатский, 30.08.1999

записано во время подготовки к гастролям
ее внучки Елены Зуевой по Германии (см. с. 106).

Эту легенду я написала в 1970-м году. Ну тогда справляли мы праздник 100-летия Ленина и нам срочно надо было что-то свое. Нам распоряжение такое было с районного отдела культуры, чтобы мы что-нибудь свое... там норгали, мол, само собой, просто сценки, ну что-то такое. Ну а что, думаю, делать-то.

И как-то однажды я просто посмотрела... Выходила уже на работу и посмотрела на сопку. Ее с Хайрюзово Верхнего видно, с Усть-Хайрюзово, из Коврана видна эта сопка Эльвель, Эльвелик. Ну я решила назвать ее Эльвель. Ну почему бы этой сопке не быть Эльвель? Она так красива. Здесь у нее как бы шатер такой, вернее не шатер, а покрывало такое на ней. Говорю, пусть она будет Эльвель. Я еще даже не знала, что у меня получится.

On the origin of the legend "El'vel"

T. E. Gutorova, Petropavlovsk-Kamchatski, 30.08.1999

Recorded when preparing for the concert tour to Germany
of her granddaughter Elena Zueva (see p. 106).

I wrote this legend down in 1970. When we celebrated Lenin's 100th birthday, we had to make a contribution to the celebrations quickly. We got the order from the district's culture department that we had to organize something by ourselves, norgali (dances), just performances, something like that. Well, I thought I could do it.

And somehow once I just looked up ... I had already left for work and I looked at the mountain. It can be seen from the village of Upper Khairyuzovo, and also from Kovran, the summit El'vel', El'velik. Well, I decided to call it El'vel'. Why should this mountain not be called El'vel'? It is so beautiful. It sits there like a tent, although not (really) a tent, but (it looks) as if there would be a kind of cover on it. I said, so it will be El'vel'. I didn't know yet what would come of it.

Ну а вечером ждут девчата. Я говорю, мама, ты сейчас никого не выпускай, говори, что меня здесь нету. Я взялась за эту легенду, ну начала вспоминать. Думаю, у нас же у ительменов были шаманы когда-то, такие злые, ну которые колдовали людей, на них болезни насылали. И были добрые, которые снимали вот это колдовство злое. Нет, думаю, Эльвель, она, значит, стоит между двух рек. Почему эти реки не могут быть... это – Плахен, по-нашему это старший брат, а это пусть будет Плач, потому что их с обеих сторон видать. Эльвель по середине стоит.

Ну как-то сюжет у меня выразился такой, что это любовь большая. Вот она как будто... было такое... что не хотел этот... у Эльвеля был отец Ухт. До этого он был, вернее в молодости он был женат на Лач, жена у его была молодая. Ну вот он женился на ней, а шаман старый хотел жениться на этой, на Лач. А Лач отказалась. Я, говорит, лучше, лучше я море брошусь, но жить с ним не буду. Она любила Ухта, они встречались. И вот тогда шаман стал угрожать ей, говорит: – Если ты за меня замуж не пойдешь, то я ваш род истреблю. Вот тогда, в те далекие-далекие годы, когда между племенами или там между родом каким-то стычки были. И вот я, говорит, уговорю твоих родителей. И если они не отдадут за меня замуж тебя, значит я истреблю ваш род весь.

И вот она передает Ухту. Но Ухт успокаивает ее, говорит, мы поженимся. Поженились они с Лач. А он охотник был хороший. И вот ранней весной он ушёл на охоту, а Лач осталась одна, она уже беременная была, должна была родить. Ну, в общем, он ушёл, и она родила девочку. Ну там первое восклицание было такое: – Э-э-эль...вельк. Ну это восклицание будто оно означает: ... Ухт хотел сына, а тут вельке. Ну что сделаешь, вроде того, что родилась девочка. Ну так Э-э-ль-вель, Эльвель.

Ну, в общем, родилась она, и приходит шаман со своими. Ну там, которые ему служили. Приходят они, а он злой, что она родила и любит этого Ухта. И он решил истребить, в общем, истребить это селение том числе. А по первой, по первой версии у меня было, что она бросилась в море, Эльвель. А тут по второй версии, тут уже я написала песню, что она, что ее тоже убили. И вот мать, ее мать взяла ребёнка, эту Эльвель маленькую и уже раненая, она прикрыла ребёнка.

Вот приходит Ухт. А у него был орёл, тоже такой умный орёл. Он всегда показывал Ухту, где звери такие, где на медведя можно охотиться, где эти..., ну где удобно охотиться, это у него друг такой был, орёл. И вот орёл прилетает первый и смотрит, такое в селении творится, и возвращается к Ухту: – торопись, там что-то случилось в этом селении. Все, мол, убиты.

Well, the girls waited in the evening. I said, “Mama, don’t let anybody in now, say that I am not at home.” I gave myself up to this legend and began to remember. I believe that once we – the Itelmens – had shamans, evil ones, those who cast a spell over people and brought illness to them. And there were also good shamans, those who took away the evil spell. [No,] ... I believe, El’vel’ means that it stands between two rivers. [Why these rivers cannot be] ... There is Plakhen, which means “older brother” in our language, and it becomes Plach, as they are seen from both sides. El’vel’ stands in the middle.

Well, somehow I have expressed the story that there was a great love. Although, ... somebody didn’t want ... El’vel’s father was Ukht (forest). Until then he was, in his youth, married to Lach (sun), he had a young wife. He married her, but an old shaman wanted to marry her, Lach. But Lach refused. She said, “I would rather throw myself into the sea than live with him.” She loved Ukht, and they met each other. And when the shaman began to harass her, he said, “If you don’t marry me, I will kill your family and all your relatives.” Once, in the distant past, it came to skirmishes between tribes and family groups. He said, “I will persuade your parents. If they won’t give you to me as my wife, I will kill your entire extended family.”

She told this to Ukht. But Ukht calmed her down and said that they would marry. So Lach (and Ukht) got married. He was a good hunter. And in early spring he went out for the hunt, and Lach stayed home by herself. She was already pregnant and about to have the baby. Anyway, he left and she gave birth to a girl. And her first exclamation was: “E-e-e-l’velik.” And this exclamation meant – Ukht wanted a son, but now But what could be done about it, after all, she had given birth to a girl, El’vel’.

Well, eventually, after she’d had her daughter, the shaman came by with his (helpers). That means with those who served him. They arrived and he got mad that she’d had a baby and loved Ukht. Then he decided to kill all the people there. But in the first version, in my first version, El’vel’ threw herself into the sea. And here, in the second version, in which I already wrote the song, they also killed her. And the mother, her mother, took the child, little El’vel’, who was injured, and she covered the child.

Then Ukht arrived. He had an eagle, such an intelligent eagle. He always showed Ukht where certain animals were, where one could hunt for a bear, ... well, where it was good to hunt. He had this friend, the eagle. And the eagle flew by in advance and saw what had happened to the settlement, and he turned back to Ukht, saying, “Hurry up, something has happened to the people (there). Everybody has been killed.”

Приходит, в общем, обошел все селение, все убитые. Он находит мать своей жены, уже умирающую. И она держит маленького ребёнка закутанного. И она отдаёт его ему, говорит, нас всех на селе убил Кана, это злой шаман, он заколдовал твою дочь, и расколдовать её очень трудно.

Но надо найти доброго шамана Квэзем. Квэзем это по-ителменски – шиповник. Он такой колючий и вообще добрый, потому что у него ягода добрая и листья, всё полезное. Ну в общем, я назвала его Квэзем. Ну когда-то у ительменов были по-видимому вот такие имена, как, например, ухт – это лес, Ухт, Квэзем – это шиповник, Эльвель – это по возгласу что-то такое во время родов.

Одним словом, приходит. Когда он находит эту мать. Она ему говорит, что, мол, твою дочь зовут Эльвель. Она прощается с ней и говорит: найди доброго шамана, прими у него доброе шаманство, и сделай так, чтобы он расколдовал твою дочь. Он, говорит, сильно заколдовал её. И вот она умирает.

Оставляет он это селение. Ухт уходит далеко в хребты, и все-таки он находит этого доброго шамана и берет у него доброе шаманство. Он передает, там обычно ... тоже такой обряд.

Там есть такое что... Вот об этом обряде я помню хорошо. Это было в конце 1930-х годов, мне тогда было где-то лет семь-восемь. Эта голова сухая, рыба голова, высушенная. Теперь три ветки вот этого самого квэзема, ну этого шиповника три веточки. Также их хранили постоянно. И теперь, что там ... угольки, чтобы уголек был. В общем шаман тот, он там напевает с этим квэземом выгоняет из больного вот эту боль. Даже так, что проходит, если там одежда какая, исколет одежду вот этот пучок, пучок этого квэзема. И все, и потом начинает уже выгонять, выгонять, выгонять и в конце концов изгоняет ... все это, в общем сжигается в печке, ... если больной.

Я помню, не знаю, но по-моему это все-таки, не мистика это была. Потому что я видела, девчонкой, правда, я была, ну лет семь мне было. Ну я помню когда сильно заболела старшая сестра Лиза. Сильно, сильно заболела. Мама поехала сама в Верхнее Хайрюзово, привезла доброго шамана. Доброго шамана. Привезла и говорит, вот, сразу, постарайтесь вылечить, что с ней вот такое приключилось. И вот он начал её лечить, а сам все напевает, напевает, всё в темноте это вершится. Он подошёл к ней. А нас, конечно, прогнали. Галочка тогда у меня маленькая была сестренка, она младшая.

А Лиза сама старшая была, ей лет 12, наверное, было. И вот что-то он делал, делал с ней, потом что-то все вроде пел, пел. Потом что-то как будто вздохнул что-то, как будто на себя тянет, на себя прот.

He came and flew by the entire settlement – all had been killed. He went to his wife's mother, and she was dying. She held the small child covered and she gave her to him. She said: "Kana has killed all of us in the settlement, he is an evil shaman, he cast a spell over your daughter and bewitched her."

Then someone has to find the good shaman Kvesem. Kvesem is an Itelmen word, which means "dog rose". He is such a wizard and in general good-natured, that's why it (the dog rose) has good berries, and is therapeutic. So I called him Kvesem. Once Itelmens had those names, like, for example, Ukht – which means "forest"; Kvesem – which means "dog rose"; and El'vel' refers to an exclamation at the time of birth.

Eventually, he (Ukht) arrived. Then he found the mother. She told him that his daughter was called El'vel'. She saw him off and said: "We have to find a good shaman, take from him his good shaman's power, and make him take the spell from your daughter. On (the other shaman) has cast a bad spell on her." And then she died.

He left the settlement. Ukht went very far into the mountains, and eventually he found the good shaman and received his good shaman's power from him. He handed it over to him, as usual, with the ritual.

There is a ritual, which I remember well. This was at the end of the 1930s; I was about seven or eight years old. There was a dried fish head. Then three twigs from that kvesem, i.e. from the dog rose, three branches. One always kept them. And then there were charcoal fragments, pieces of charcoal. In general, the shaman sang and expelled the illness from the sick person with his dog rose twigs. It also happened, if there were (particular) clothes, that he beat the clothes with this bunch of dog rose twigs. That's all, and then he already started to expel, to expel, and eventually he expelled all this, and usually he burned it in the stove, if someone was sick.

I remember, I don't know, but probably it's all the same, it was no mysticism. Because I have seen it as a young girl, truly, I was about seven years old. I remember when my older sister Liza got very sick. She had become very, very sick. My mother went by herself to Upper Khairuzovo and brought the good shaman, the benevolent shaman. She brought him and said: "Hurry, try hard to cure what's wrong with her!" And he began to cure her, and he sang by himself, and everything took place in the dark. He went to her. And, of course, they chased us away. Galochka was at that time my younger sister; she was younger.

But Liza was the oldest, she was probably twelve. And what he then did with her, he sang, he sang. Then he pulled something to himself, to himself with his mouth.

А я не пойму, я любопытная все-таки, вылезла из постели, а тут в темноте, хоть страшно, все-таки что там интересно. И потом все, он что-то взял, а мама помню, в печкеэтот *уэрт* разожгла, там этим *уэрт*ом, как их, щепки, чтобы они быстрее горели. Так солому и что-то там такое положила, ну вот этот Квэзем, конечно. Он сначала что-то сделал, а потом когда он что-то вытащил.

И действительно видела это зимой. Мне же нужно было откуда-то взять. Вот примерно с мой большой палец, вот примерно такой. Он говорит, вытащил я, говорит он, вытащил оттуда, вот это. И вот когда положил он, и смотрю, там шевелится что-то, такое живое шевелилось. Ну как червяк такой круглый. Знаешь, бывают такие моллюски, такие скользкие, в круглых этих раковинках, и вот точно такой-же, и вот, я посмотрела, и вот это все хозяйство. И он закрыл, там что-то говорил, говорил все потом Э-хе-хе... И в общем, на этом закончилось. Ничего, говорит, она поправится. И она действительно поправилась тогда. Но она умерла потом уже через года полтора, но у нее эта гангрена была голени. Сильное там заражение было. Старшая сестренка Лиза.

Вот этих, вот которых знали, что они лечили, и за ними было вот что их... И вот кто верил в бога, вот этих священных попов этих, всех репрессировали. В Тигиле, там единственная была церковь, ... венчаться туда ездили, теперь крестить детей. Ну, правда, в Верхнем Хайрюзове там типа часовни была. Во всяком случае самая главная церковь была в Тигиле, в районном центре. И вот гонения на них были, и поэтому очень боялись, боялись это, не знаю, как огня боялись, чтобы кто-то узнал все, не дай бог кто-то скажет, на этого, кто этим занимается лечением. За ними гонения были большие. Но потом не знаю, больше я не соприкасалась с этим.

А вот что Эльвель, значит я, у меня сразу созрела мысль такая, что были два, как всегда, два противоположных: добро и зло. Но, думаю, сделать так, почему Эльвель, почему она застыла здесь, и почему эти реки текут возле. Ну как созрела у меня вот эта мысль, это пусть будут реки, Плахэн – Верхний Хайрюзово и Каврал – в Ковране тоже река, младший брат. Ну вот, как они полюбили друг друга, Вы уже читали, наверное, в этой книге,* и чем это кончилось.

But I didn't understand, I was curious about all this. I got out of bed and I was there in the dark – although frightening, all this was interesting. And then everything that he had taken, and I remember (that) my mother (said), he burnt in the stove, there in the stove, with these strands to make it burn faster. He also put straw or something like that on it, and then these dog rose twigs, of course. He first did something, and then, he pulled something out.

Definitely, I saw this in winter. Something had to be taken from me somewhere, for example, from my thumb. He said: "I'll take it out" and he took that from there. And when he put something there, I noticed that there was something moving, something animated was moving. Like a round worm. You know, there are such molluscs, these slippery mussels, and I saw precisely those. ... And (when) he closed, he said something, he said, "That's all," and then "E-khe-khe..." And with that he was finished. Anyway, he said that she was getting better. And she really did get better then. But she died one and a half years later; she suffered from gangrene of the lower leg. She had become seriously infected there, my older sister Liza.

There were those who knew how to heal, and we turned to them. And those who believed in God, these sacred priests, they all were persecuted. In Tigil', where the only church was, they went there to get married, and then to baptize the children. Surely, in Upper Khairyuzovo was also a kind of chapel. In any case, the most important church was in Tigil', in the district center. And people were persecuted afterwards, and therefore they were very frightened, very frightened. I don't know, they were scared as if of fire. If somebody knew about it, God grant that nobody told anyone about those who occupied themselves with healing. They were persecuted terribly. But more than that I didn't know, I wasn't in touch with them anymore.

But with regards to El'vel', the idea immediately grew in me that there were two, as always, two opposites: the good and the evil. Well, I think, to make it so, why El'vel', why El'vel' is covered there, and why these rivers flow by. When this idea grew in me that it was the rivers Plakhen – Upper Khairyuzovo and Kavral – in Kovran there is also a river, the younger brother. Well, then they fell in love with each other, you probably already read it in the book*, and with this I'll finish.

* Т.Е. Гуторова, «Эльвель» – ительменская легенда. Петропавловск-Камчатский: Фонд компенсации в пользу народов Севера, 1995.

* Т.Е. Гуторова, «Эльвель» – ительменская легенда. Петропавловск-Камчатский: Фонд компенсации в пользу народов Севера, 1995.